НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

ОСТАЛСЯ НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Жизнь выводила его только на передний край, и он прошел через всю судьбу Пантелея Ворошилова.

Когда тени метались по стенам штабной землянки и табачный дым клубами ходил над столом, Пантелей Николаевич садился за письма домой. И тогда вдруг исчезал напряженный гул фронта, мысли легко перебрасывались через всю страну в родное камчатское село Соболево.

Шел уже пятый год, как он был призван в ряды Красной Армии, а председательские заботы по-прежнему были для него кровными. Пантелей Николаевич интересовался путиной, новостями колхоза, просил сообщить цифры. Как же надо было любить свою родную сторону, чтобы в грохоте переднего края болеть душой за сено — достаточно ли его запасли, за жилье — всем ли сельчанам тепло в домах. Только любимый сын мог так трепетно жить заботами отчего края, находясь между жизнью и смертью.

Он и вправду был любимым сыном — в семье, в родном селе. Иначе никто бы его, комсомольца Пантелея Ворошилова, не выбрал председателем рыболовецкого колхоза. В двадцать один год его уже почтительно величали Пантелеем Николаевичем. Это была дань уважения не должности, а человеку.

Колхоз «Пионер Запада» в конце 30-х годов набирал силу. Соболевчане всегда умели хорошо ловить рыбу, но в сознание людей еще трудно входили понятия о новом коллективном труде. Надо было искать пути крепкого сплочения колхозного люда. Но какими они должны быть, эти пути? Молодой председатель изрядно ломал голову над этим вопросом. Решил начать все-таки с молодежи.

Ворошиловых все на селе знали как заядлых певунов. Бывало, семья выходила вечерами на крылечко — кто с гитарой, кто с балалайкой, кто и со скрипкой — и начинался концерт. В один из вечеров Пантелей Николаевич собрал все инструменты семейного оркестра и принес в клуб. «Будем синеблузниками», — сказал он сверстникам. И закипело дело. Они ездили по всему району, бывали на всех неводах. Не только песни и танцы возили с собой синеблузники, но и страстное слово агитаторов и радость новой жизни. Они излучали столько уверенности и силы, что при виде комсомольцев начинали светиться глаза самых хмурых. А уж когда сам Пантелей Николаевич выходил на сцену с гитарой и улыбался, то каждому казалось, что председатель колхоза делает это только для него.

Молодежь дружно пошла за своим председателем, на лету подхватывала его идеи. А вот со стариками было сложнее. Жили они по своим законам, неписанным. Иногда невозможно было им втолковать, что у коллективного хозяйства законы совсем иные. Пантелей Николаевич, однако, мудро все рассудил: молодые — это одно, старики — другое. Сейчас это называется индивидуальным подходом, а тогда Ворошилов каждого старика в колхозе «взял» душевным разговором, для каждого из них нашлось у него нужное слово, которое он сказал ему с глазу на глаз.

А тут жена Катя, учительница Екатерина Сысоевна, совет подала: «Учиться надо, председателю четырьмя классами не обойтись». Пантелей только рукой махнул: «Какое там!». Но Катя стояла на своем. Пантелей сдался. И — как сел за учебники, так и вошел во вкус. Класс за классом проходил, вот уже и младшего брата Митю догнал, вот уже свидетельство об окончании семилетки получил, а жажда на знания такая, что хоть день и ночь сиди за партой...

Вот так и жил комсомолец Ворошилов, уважаемый председатель Пантелей Николаевич. По переднему краю проходила эта жизнь.

Война продолжила эту линию переднего края — от Камчатки до стен Ленинграда.

Захватом Ленинграда гитлеровцы надеялись нанести удар в душу всему советскому народу, ведь город Ленина — колыбель Октябрьской революции. «...не в похвалу себе сообщу, что 20 сентября 1943 года получил правительственную награду — медаль «За оборону Ленинграда». Теперь имею пока две, первая «За отвагу». Думаю, целиком оправдаю эти награды. Одним словом, память об Отечественной войне будет велика, тем более, я участник по обороне исторического города...». Так писал с фронта Пантелей Николаевич. Двадцать три месяца, не считая короткого лечения после ранения в госпитале, он провел в непрерывном грохоте передовой. И все это время слал письма на родную сторону. Брата Митю спрашивал: «Не вступил ли ты в партию?». Я член с декабря 1942 года. Как колхоз увеличивает жилплощадь, в какую сторону расширяется село?».

Маму уговаривал не волноваться за него и поберечь свое здоровье. «Мама, милая, чертовски хочется увидеть всех и все окружающее там, где я рос. Ну, ничего, скоро увидимся. Разобьем трусливую собаку — гитлеровские войска, и тогда вернемся».

...Он лежал у болота, под вереском, бой уходил далеко в сторону, в лес. Тянуло дымом. А ему, может быть, казалось — дымком из коптильни. В последних письмах Пантелей все писал, что хочется рыбки, своей, соболевской. Грохот артиллерии стихал, а до него, наверное, докатился шум морского прибоя... Камчатский сын, старший лейтенант Ворошилов, прощался с родиной, захватив руками столько земли, сколько мог. Он был одним из героев, погибших на передовой Ленинградского фронта.

Но он остался на своем рабочем месте, Пантелей Николаевич Ворошилов, первый офицер из соболевчан, любимый сын своего села. Навечно его имя стоит в списках членов рыболовецкого колхоза «Октябрь». Он трудится, Пантелей Николаевич, в Фонд мира идет его заработная плата. Сраженный пулями у псковских болот, Ворошилов остался жить на передовой линии.